

Светлой памяти Марины Черкашиной

Возвращаются все, кроме тех, кто нужней,
Кроме самых красивых и преданных женщин...

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Он был некрасив — слишком крупный нос, тонкие губы, к тому же невысокий рост. В юности Колчак не строил ни малейших иллюзий насчет своей внешности. Однако отваживался на гардемаринских балах в Морском ли корпусе, в Смольном ли институте благородных девиц приглашать на танец записных красавиц. И те снисходили к нему, соглашались на тур, скорее из уважения к его морскому мундиру, нежели к нему, как интересному кавалеру. Разумеется, Саша Колчак, юноша обостренного самолюбия, это чувствовал, это ранило его...

Сам ли он пришел к этой мысли, подсказал ли кто, прочитал ли где, но только вывел для себя одно: чтобы по-настоящему увлекать женщин, надо стать героем. Неважно, на каком поприще — в морских сражениях, или научных экспедициях, или даже в золотоискательских авантюрах. Герою не обязательно быть красивым. Надо стать героем как можно скорее! С этим благородным порывом 19-летний мичман Колчак и вышел, как тогда говорили, в Балтийский флот. Но в 1898 году ни-

каких войн не предвиделось. Начиналась рутинная корабельная служба, которая отнюдь не сулила каких-либо героических деяний. Молодой офицер терзался — впору было увольняться со службы и отправляться в Южную Африку помогать бурам воевать против англичан-поработителей...

Оставалось выбирать — в Африку или на Клондайк? На этом отчаянном перепутье вдруг наметился новый путь: на Север!

Часть первая

МЫС СОФИИ

«Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной вся картина нашей встречи, так мучительно и больно, как будто это было вчера, на душе.

Сколько бессонных ночей я провел у себя в каюте, шагая из угла в угол, столько дум, горьких, безотрадных... без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Вы были для меня больше, чем сама жизнь, и продолжить ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я нес к Вашим ногам, как к божеству моему, все свои силы я отдал Вам.

Я писал Вам, что думаю сократить переписку, но, когда пришел обычный час, в котором я привык беседовать с Вами, я понял, что не писать Вам, не делиться своими думами — свыше моих сил. Переписка с Вами стала для меня вторым «я», и я отказываюсь от своего намерения и буду снова писать Вам — к чему бы это меня ни привело. Ведь Вы понимаете меня, и Вам может быть понятна моя глубокая печаль».

Эти слова лейтенант Александр Колчак адресовал невесте Софье Омировой из своего ледяного плена в арктических морях. Писал без всякой надежды отправить письма на Большую землю. Писал при свете свечи, вставленной в шлюпочный фонарь.

Испытывая при сем «глубокую печаль», он вовсе не раскаивался, что вместо венчальных свечей перед ним горели коптилки, заправленные ворванью.

Софья ничуть его не осуждала за этот выбор: полярные льды вместо свадебного стола, корабельная койка вместо брачного ложа, годы разлуки вместо медового путешествия в Севастополь, Херсон или, может быть, даже в Париж... Она умела провозжать и ждать, быть может, как никто на свете. Она знала, куда и зачем ушел ее жених. Он говорил об этой странной Земле Санникова, намного чаще и подробней, чем о любви к ней...

К ЗЕМЛЕ САННИКОВА!

Об этой загадочной земле толковали в России и царь, и псарь. Ее миражные отроги маячили сквозь летние туманы и зимние бураны за краем известного людям света — с глухотных необитаемых островов Восточно-Сибирского моря.

Впервые увидел эту марь сибирский купец-промышленник, добытчик песка и мамонтовой кости Яков Санников аж в 1810 году. С той поры эта неведомая и недоступная земля лишила покоя многих людей — сильных духом и трезвых разумом.

Странное дело, мало ли в России земель, мало ли у нас больших и малых островов, островков, островиц? Но почему-то так не хватает ей именно этой призрачной Земли Санникова в непроходимых морях. Чем же манили так россиян заснеженные кручи в пропащей дали? Добро бы золотые жилы там по распадкам змеились, как на Клондайке, или простирались бы лежбища тучного морского зверя, или хоть одна бухточка не замерзала в зиму, или... Но ничегошеньки, ровным счетом ничего та усколь-

зающая земля не сулила. А на Москве и в Питере серьезные люди, не праздные мечтатели, не мальчишки-романтики, а все больше ученый народ — штурманы, геологи, гидрографы — ломали головы, как достичь заветных берегов.

Будто бы и в самом деле огромная — в шестую часть света — страна была бы неполна без этой пригрезившейся Санникову Земли. И Государь-император Александр III в шутку ли, всерьез молвил на очередном выпуске Морского корпуса: «Кто откроет эту землю-невидимку, тому и принадлежать будет. Дерзайте, мичмана!»

И мичмана, став лейтенантами, дерзали... Лейтенанты Коломейцов и Матисен, лейтенант Колчак, лейтенант Брусилов, старший лейтенант Седов...

Досужая публика недоумевала — чего ради?.. Ее вопросы замечательно сформулировал известный географ Ф.Ф. Врангель (это в его честь назван огромный остров в Чукотском море, чудом не переименованный большевиками), а потом сам же на них и ответил:

«Разве нет задач более неотложных, более близких, требующих меньше затраты сил нравственных и физических, чем исследования безлюдных мертвых неприглядных областей вечного снега?»

...Нужно ли оправдывать личные жертвы, приносимые людьми ради идеи: расширить круг человеческих знаний, стать властелином Земли... Все это выказывает готовность переносить лишения, даже рисковать своей жизнью, служит порукою тому, что общество, воспитавшее в своей среде такой энтузиазм, еще юно, бодро, мужественно».

Все это так!

Но был один резон в экспедиции, в который не посвящали репортеров и широкую публику. Уголь!

Еще американец Де Лонг обнаружил на острове Беннетта залежи бурого угля. Барон Толль предполагал, что

третичные угленосные пласты острова Новая Сибирь простираются до Беннетта и дальше — до Земли Санникова, ежели таковая существует.

Зачем же искать уголь так далеко? Ведь в России огромные запасы его и в Донецком бассейне, и даже под Тулой. Не вывозить же черное топливо из Арктики? Во что станет такой перевоз?

А вывозить-то и не надо. Главное, чтобы туда его не завозить! Главное найти бы его там, в тех медвежьих углах. Тогда суда, идущие из Архангельска во Владивосток Северным морским путем, смогли бы пополнять запасы топлива, как раз на середине великой трассы «из варяг в японцы», из Поморья в Приморье, с Крайнего Севера да на Дальний Восток. Ведь плавание паровых судов во льдах это прежде всего двойной расход топлива. Если бы устроить на острове Беннетта или на Земле Санникова угольную станцию, то и броненосцы смогли бы огибать Чукотку и попадать во Владивосток не вокруг Африки да Цусимским проливом, а кратчайшим да к тому же почти внутренним российским путем.

Идея такой переброски судов как военных, так и торговых вынашивалась дальновиднейшим адмиралом Макаровым, да и великий муж науки Дмитрий Иванович Менделеев предрекал важнейшую будущность Северного морского пути.

И вот первый серьезный шаг в эту сторону — Русская полярная экспедиция (РПЭ).

Президент Императорской академии наук великий князь Константин Константинович, он же председатель Комиссии по подготовке экспедиции, докладывал Государю о маршруте будущей экспедиции. А Государь был молод. В свои тридцать два он бы и сам с превеликой охотой отправился искать затерянные миры. Тем более, после полукругосветного плавания в Японию на броненосном крейсере «Память «Азова» считал себя в глубине души моряком и к флоту дышал неровно.

Земля Санникова досталась ему по наследству — от отца. Александр III благоволил господам изыскателям. Их стараниями Россия прирастала без всяких войн и завоеваний. Главное, чтобы на этой обетованной, но еще не открытой земле не взвился первым иностранный флаг, о чем все время болел душой патриарх отечественной географии Петр Семенов-Тянь-Шанский: «Недалеко уже то время, когда честь исследования... Земли Санникова будет предвосхищена скандинавами или американцами, тогда как исследование этой земли есть прямая обязанность России». Ему вторил и великий князь Константин Константинович: «Экспедиция на Санникову Землю была бы теперь особенно своевременна...»

По Высочайшему повелению императора Николая II министерство финансов выделило на Полярную экспедицию 240 тысяч рублей, сумму по тому времени внушительную. Но денег никогда много не бывает, тем более что за покупку и переоборудование шхуны в Норвегии надо было уплатить 60 тысяч рублей. Однако предприятие барона Толля вызвало в России волну энтузиазма, и многие ведомства, учреждения и просто состоятельные люди помогли экспедиционерам всем, чем могли.

К барону Толлю просились десятки доброхотов со всех концов Российской империи. Его стол был завален рапортами флотских офицеров и прошениями студентов, чиновников, гражданских моряков. Попытал счастья и новопроизведенный лейтенант Колчак. Куда там... Барон вежливо выслушал его и сухо заметил, что офицерский штат на «Заре» уже набран, что двух лейтенантов для небольшой шхуны более чем достаточно, что Колчак еще весьма молод и успеет еще сходить не в одну экспедицию.

То был второй удар судьбы. Первый Александр испытал в мае, когда, вернувшись в Кронштадт из морей на крейсере «Крейсер», первым делом поспешил в штаб-

квартиру вице-адмирала Макарова. Великое нетерпение подгоняло лейтенанта. Там в военной гавани стояли под парами готовые к отплытию на Шпицберген ледокол-красавец «Ермак» и военный транспорт «Бакан». На «Ермаке» уже развевался вице-адмиральский флаг Макарова. Именно он должен был вести экспедицию в Арктику.

— Ваше высокопревосходительство, возьмите с собой!

Степан Осипович был наслышан о молодом офицере, который по своему почину стал вести гидрологические замеры в Желтом и Японском морях.

Степан Осипович поглаживал бороду и смотрел на Колчака почти что ласково. Он видел в этом лейтенанте с горящими глазами самого себя лет эдак двадцать назад... Разве он сам в том же чине и в том же возрасте, тяготясь стационарной службой в Константинополе, не начал вот так же доброхотно измерять скорости верхнего и нижнего течений в Босфорском проливе?

— Дражайший Александр Васильевич, взял бы вас без сомнений. Но не в моей власти выдернуть вас сейчас с боевого корабля. Пока оформят все бумаги, мы уже за Нордкапом будем. Вы же знаете, как штабная улитка едет...

С тем и вернулся лейтенант в отцовский дом в Петровском переулке.

— На все воля Божья, Сашок! — утешал сына отец. — Да и наплавался ты вдосталь. Пора своей гаванью обзавестись.

Василий Иванович, уйдя сначала в отставку, а теперь и на пенсию, давно уже по земляческим каналам высмотрел сыну невесту. Это была статная, красивая, не в меру серьезная выпускница Смольненского института благородных девиц Софья Омирова, дочь покойного начальника Каменец-Подольской Казенной палаты. Круглая сирота, она зарабатывала на жизнь домашней учительницей.

Александр, как и большинство молодых людей, не любил, когда родители активно вмешиваются в личную

жизнь, навязывая своих кандидаток в созидательниц семейного счастья.

— Сам-то ты не очень спешил! — заметил он, намекая, что сам Василий Иванович женился лишь в тридцать с лишним лет.

— Не надо повторять ошибки отцов... Тем не менее я свой долг перед пращурами выполнил. Явил миру продолжателя рода, и, похоже, неплохого продолжателя...

— Катя старше меня, она пусть первая продолжает.

— На сестру не кивай. С ней наша фамилия уйдет. А ты мне наследника подавай, чтоб Колчаки вовек не вывелись. Теперь ты за это отвечаешь. Служба службой, наука наукой, а пресекать род наш не имеешь права!

Знакомство, однако ж, состоялось.

Вопреки скептическим ожиданиям, София оказалась отнюдь не кисейной барышней. Ладная, спокойная, с прямым взглядом из-под высокого чистого лба, она была начисто лишена манерности столичных девиц. Собственный заработок придавал ей ту уверенность в жизни, которую ценил в себе и сам Александр. Они на равных вели беседу, вольно или невольно экзаменуя друг друга на остроту ума, эрудицию, пристрастия... Колчак мысленно вывел своей собеседнице высший бал. София приятно удивляла начитанностью, здравостью суждений, выяснилось, что она в совершенстве владеет английским, французским, немецким и чуть хуже итальянским, польским языками, превосходно музицирует, небезуспешно пробует свои силы в живописи акварелью и маслом.

Он тоже старался не ударить в грязь лицом, живо и с юмором рассказывал ей о морях и странах, в которых довелось побывать, о забавных случаях из корабельной жизни. То был совершенно неведомый Софии мир, и она слушала бывалого морехода, широко раскрыв красивые глаза, что весьма подкупало рассказчика. Более того, она с неподдельным интересом расспрашивала его о том, что

интересовало не всякого сослуживца. О Земле Санникова, о Южном полюсе, о пропавшей экспедиции лейтенанта Де Лонга...

Саше было семь лет, когда в Арктике разыгралась очередная трагедия, потрясшая читателей газет во всем мире. Лейтенант американского флота Джордж Де Лонг отправился к Северному полюсу на паровой яхте «Жаннета». Увы, в июне 1881 года паковые льды раздавили хрупкий корпус суденышка, и смельчаки остались один на один с белым безмолвием высоких широт. Но прежде, чем лейтенант Де Лонг и большая часть команды погибли от голода и стужи, отважный лейтенант успел назвать три новооткрытых острова в честь своей возлюбленной — Генриетты, в честь несчастной яхты — Жаннеты и в честь издателя газеты «Нью-Йорк Геральд» Гордона Беннетта, снарядившего экспедицию на свои деньги. Так они и остались на карте русской Арктики — острова Де Лонга: Генриетты, Жаннеты и Беннетта.

— Если я когда-нибудь открою новый остров, я назову его вашим именем, — сказал Колчак на прощанье.

— Спасибо, — без тени улыбки ответила София. — Только не пропадайте во льдах, как Де Лонг.

...Он сдержал свое слово. Небольшой остров в Восточно-Сибирском море, названный Колчаком именем невесты, и поныне существует не только в Ледовитом океане, но и на картах Арктики, как и мыс Софии на острове Беннетта.

Как-то прощаясь, он ей сказал:

— Если бы я был капитаном экспедиционного судна, я непременно взял бы вас с собой.

Это было объяснением в любви.

Потом, спустя двенадцать лет, полярные командоры и в самом деле станут брать с собой невест: что Русанов — Жюльетту Жан, что Брусилов — Еремению Жданко. И всякий раз это будет кончаться трагично.

Спустя время Колчак узнал о своей невесте, о ее предках не меньше, чем о своих.

Она родилась на Украине — в старинном городке Каменец-Подольске, в тех краях, где был пленен прадед ее будущего мужа — турецкий генерал Колчак-паша. Пленил пашу брат ее пращура по материнской линии екатерининский вельможа фельдмаршал Миних. Со стороны матери — Дарьи Федоровны Каменской — числился еще один воинственный предок — генерал-аншеф М.В. Берг, громивший войска Фридриха Великого в Семилетнюю войну. На баталиях генерала Максима Берга учился Александр Суворов.

По отцу же, Федору Васильевичу Омирову, начальнику Каменец-Подольской Казенной палаты, предки были куда более мирные — из духовного сословия.

«Мой умный, добрый и строгий отец! — восклицала она на склоне лет. — Нас было у него двенадцать человек, я — одиннадцатая».

В крови Софьи Федоровны боролись «лед и пламень»; лед духовного смирения, законопочитания и пламень высокой воинской удали. Годы, проведенные ею в Смольненском институте благородных девиц, достойно ограничили ее сложный характер. Она вышла в свет со знанием семи языков. Причем английским, французским и немецким владела в совершенстве... Писала маслом и акварелью, превосходно музицировала.

Дед ее из подмосковных священников носил чисто духовную фамилию — Омиров, первоначально звучащую как Гомеров. В дословном переводе имя героини этих строк вкупе с девичьей фамилией означает — «мудрость Гомера». Но не нашлось в XX веке своего Гомера, который смог бы в полной мере постичь, воспеть и оплакать ту трагедию, в которую ввергнута была Россия на семнадцатом году нашего века.

С предложением руки и сердца Александр не спешил. Идти под венец — только с ореолом героя. Как отец. Однако судьба не спешила выводить его на поле чести. К величайшему своему унынию, лейтенант Колчак ввиду нехватки офицеров был назначен вахтенным офицером на старый и потому учебный крейсер «Князь Пожарский». Подобный удар он пережил два года назад, когда попытался перевестись на канонерскую лодку «Кореец» (тот самый «Кореец», который разделил участь «Варяга» в бою при Чемульпо), уходивший к Командорским островам. Вместо вожденной экспедиции в северную часть Тихого океана — назначение на осточертевшую должность вахтенного начальника на допотопный клипер «Крейсер», возвращавшийся в Кронштадт. И вот опять тот же кунштюк.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Кроме желания плавать на севере Тихого океана у меня явился интерес к южным полярным странам, касающийся одной из самых малообследованных областей, заключающей в себе Земли Императоров Александра I и Петра Великого, впервые посещенные Беллинсгаузеном и Лазаревым, но этот интерес пока мог быть только платоническим, так как, чтобы попасть туда, надо было снаряжать экспедицию, а для этого я не имел ни опыта, ни средств.

Проплавав четыре года на военных кораблях, из которых один был в то время первоклассным крейсером, а второй представлял собой уже не имеющий боевого значения парусный клипер, я вынес довольно скептическое отношение к плаванию на военных судах и много раз еще во время пребывания в Тихом океане подумывал о выходе из военного флота и службе на коммерческих судах. Тем не менее я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место...

...Я попал во внутреннее плавание на «Князь Пожарский», что для меня было худшее, что только я мог представить в этом роде. На «Князе Пожарском» вахтенным

начальником плавал лейтенант Стральман — мой приятель, с которым я был всегда в хороших отношениях. Я убедился по нескольким опытам, что в военной службе осуществить свои желания едва ли когда удастся, я бросил свои занятия по гидрологии, и мои стремления пришли к форме искания просто-напросто, как говорилось в Тихом океане, «типов и ощущений», то есть к авантюризму, короче говоря. Борис Стральман также находился в таком состоянии, и, беседуя с ним во время плавания по портам Балтийского моря, я пришел к готовности оставить службу и отправиться в компании со Стральманом в Клондайк, не для искания золота, конечно, а просто чтобы найти обстановку и жизнь, отвечающую более нашим потребностям, чем та, в которой мы оба находились. Мы порешили осенью идти в Тихий океан и там выйти в запас и отправиться, куда хотели.

По окончании плавания на «Князе Пожарском» я перешел на эскадренный броненосец «Полтава» и через несколько недель на его «Петропавловск», уходивший в Тихий океан.

Стральман куда-то уехал, и я более с ним не видался. Прекрасное, новое боевое судно первое время вернуло меня к прежним занятиям, но скоро я убедился, что здесь то же самое, что и на всех других броненосцах и крейсерах. Здесь есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Итак, броненосец «Петропавловск» уносил мятущегося лейтенанта все дальше и дальше от полных стран. Посреди пути он и вовсе надолго застрял в афинском порту Пирее.

Пирей. Сентябрь 1899 года.

Пирей — прескверный городишко. Во всяком случае таким он был в конце девятнадцатого века: полуамфитеатр унылой равноэтажной застройки с еще не вывет-

рившимся налетом турецкой провинции обнимал весьма просторную бухту. Русские корабли облюбовали этот далеко не самый благоустроенный порт лишь потому, что все остальные, удобные и в стратегическом, и в стояночном отношении гавани уже давно были обжиты кораблями английского и французского флотов. Не было баз у российского флота на Средиземном море, был лишь этот стационарный пункт, где корабли могли подолгу стоять на якорях в виду берегов вполне дружественного Греческого королевства, поскольку королева эллинов Ольга, бывшая русская принцесса, душевно благоволила к морякам с неблизкой родины.

Осенью 1899 года на рейде Пирея встал на якорь новейший эскадренный броненосец «Петропавловск», шедший с Балтики на Дальний Восток. Вечный вахтенный начальник лейтенант Колчак, весьма удрученный неудачными попытками попасть в полярные экспедиции, пребывал в мрачнейшем расположении духа. И строки его дневника вполне созвучны настроению лермонтовского героя.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я не знаю более скверного и противного места для меня, чем этот порт сквернейшей страны, какой я знаю и где наши суда стоят неизвестно зачем очень долго...»

Его душа рвалась подальше от этой земли, туда, где кипели живые события — в Южную Африку, в Трансвааль, в Оранжевую республику. Там шла война... Там «работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле все то, что у нас на броненосце делается лишь примерно», — изливался он своему дневнику.

Но в Пирее, слава богу, есть телеграф... И стук корабельного почтаря в дверь каюты:

— Ваше благородие, вам телеграмма!

Колчак схватил бланк с греческими почти русскими литерами. Первая мысль — от Кати, что-то с отцом. После смерти Ольги Ильиничны он сильно сдал...

РУКОЮ КОЛЧАКА: «На Рождество, когда я сидел у себя в каюте и обдумывал вопрос о том, чтобы кончить службу и уйти в Южную Африку для занятий военным делом, мне принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Матисеном, где мне предлагалось принять участие в Русской полярной экспедиции...»

Нет, то была не телеграмма, то была повестка судьбы. Свершилось! Там, на небесах, услышаны его молитвы!.. Вспышку подобной радости он испытал разве что, когда было зачитано Высочайшее повеление о производстве в офицеры. Он ликовал так, как будто сам Жюль Верн прислал ему приглашение лететь из пушки на Луну.

Все к черту! Если не отпустят — немедленно рапорт о выходе в запас.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Я немедленно ответил полным согласием на все условия и отправился к командиру, капитану 1-го ранга Грeve, поговорить о своем решении. Я прямо сказал ему, что решил выйти из военной службы, если она явится препятствием для поступления моего в состав экспедиции, и, конечно, Грeve, вполне сочувствуя моим желаниям, посоветовал мне немедленно подать в запас, так как иначе списание мое с «Петропавловска», да еще ввиду перевода моего в Сибирский экипаж, затянется, и броненосец должен скоро уходить в Порт-Саид.

Я телеграфировал лейтенанту Матисену, которого считал за командира судна, что подаю в запас и еду, как могу скорее, в Петербург. Но выйти в запас мне не пришлось, благодаря участию президента Академии наук великого князя Константина: высшее морское начальство телеграммой потребовало моего списания с «Петропавловска» и возвращения в Петербург. Все устроилось луч-

ше, чем я ожидал. На первом пароходе Русского общества, простившись с броненосцем честь честью... я в первых числах января ушел из Пирея в Одессу...»

В Одессе перед поездом на Санкт-Петербург он заскочил к Посоховым, материнской родне. Дед Илья Андреевич видел внука не часто. А уж в морском облачении и вовсе впервые. Люб был казачьей душе внук при мундире и сабле.

— Хотя и не в нашу породу ты пошел, Сашка, но глаза у тебя посоховские, материны глаза... Невестой-то не обзавелся?

— Есть на примете.

— Дай знать, когда свадьба. Все брошу и приеду.

Кто из них мог предположить, что свадьба будет за тысячи верст от Одессы да и Петербурга — в Иркутске и что из всей родни приехать туда сможет лишь один неугомонный Василий Иванович? Как-никак его стараниями свадебка сладилась.

Кто из них мог представить себе, что и деда Илью, потомственного дворянина, городского голову Одессы, большевики расстреляют в один год с внуком — Верховным Правителем России — в 1920-м?..

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ЯНВАРЬ 1900 года

Итак, по ходатайству великого князя Константина Константиновича лейтенант Колчак был прикомандирован к Императорской Академии наук. Правда, время производства в следующий чин — капитана 2-го ранга — резко отодвигалось¹ (в лейтенантах ему пришлось ходить восемь лет), но это его мало заботило. Его воен-

---

¹ В 1900 году на русском флоте было только четыре офицерских звания: мичман, лейтенант, капитаны 2-го и 1-го рангов.

ная карьера еще наверстает упущенное небывалым скачком: за три года он из капитанов 1-го ранга станет вице-адмиралом.

Перед бароном Толлем лейтенант Колчак предстал не без душевной робости. Что значили его любительские опыты по гидрографии в сравнении с научным багажом полярника, уже побывавшего там, где погиб лейтенант Де Лонг, а главное — своими глазами видевшего легендарную Землю?

Да, в экспедицию 1886 года Эдуард Толль с северных утесов острова Котельный ясно видел на горизонте контуры четырех гор, координаты которых примерно определялись как 77°09′ северной широты и 140°23′ восточной долготы. Дальний берег простирался именно там, где указывал Яков Санников. Мог ли после этого барон Толль не верить в успех новой экспедиции, снаряженной специально, чтобы достичь тех заветных пределов?

«ЗАРЯ» ПЛЕНИТЕЛЬНОГО... СЧАСТЬЯ?

Как ни ревновали россияне Арктику к норвежцам, все же именно норвежец — великий полярный путешественник Фритьоф Нансен отнесся к русской экспедиции с большим участием. Он щедро делился с ее командором — бароном Толлем, давним своим приятелем, тем уникальным опытом, который почерпнул в ледовых плаваньях на «Фраме». Именно он присмотрел для россиян подходящее судно — китобойный барк «Гаральд Харфагер». Плотнo сбитый овальный в сечении корпус понравился барону с первого взгляда, и барк после переделки под научное судно был перенаречен в «Зарю».

Именно он, старый полярный волк, напутствовал Толля добрым письмом: «Дорогой друг!... Мне нет необходимости говорить Вам, что, за исключением Вашей пре-

восходной жены и Вашей семьи, мало кто будет с таким интересом следить за Вами, как я».

Президент Императорской академии наук великий князь Константин Константинович 10 марта 1900 года утвердил состав экспедиции, куда помимо Э.В. Толля были включены:

«Капитан шхуны «Заря» Н.Н. Коломейцов — лейтенант флота; геодезист, метеоролог и фотограф Ф.А. Матисен — лейтенант флота; гидрограф, гидролог и гидрохимик А.В. Колчак — лейтенант флота; зоолог экспедиции А.А. Бялыницкий-Бируля — старший зоолог Зоологического музея С.-Петербургской Академии наук; астроном и магнитолог Ф.Г. Зееберг — доктор физики; врач-бактериолог и второй зоолог Г.Э. Вальтер — доктор медицины. В состав команды также вошли: боцман Н.Бегичев, старший механик Э. Огрин, матросы-рулевые С.Евстифеев, С.Толстов, А.Семашко (заменен впоследствии П.Стрижевным), И. Малыгин (заменен С.Расторгуевым) В.Железняков, Н.Безбородов, второй машинист Э.Червинский, старший кочегар И.Клуг, второй кочегар Г.Пузырев, третий Т.Носов, повар Ф. Яскевич».

Без этого похода не было бы Колчака, во всяком случае такого, каким он вошел в историю...

Этот барчук, по нашим стереотипам, генеральский сынок, мог прожигать жизнь наравне со своими сверстниками из числа «золотой молодежи». Но визжащий вой полярных метелей влек его сильнее, чем иных — рыданье кабацких скрипок... Она уже зажглась, она уже горела на его небосклоне, старинная Прикол-звезда — Полярная, ведущая точно на север. Поморское ее название — Прикол — престранным образом вобрало в себя половину его фамилии. Потом и вовсе она станет частью его имени — Александр Васильевич Колчак-Полярный. Это про

нее, случалось, пел он под рокот гитарных струн — «Гори, гори моя звезда...». На исходе века его любимый романс нечаянно продолжится в песне, написанной к кинофильму «Земля Санникова» — «А для звезды, что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг...».

«Ослепительный миг» растянулся для Колчака на добрых три арктических года...

А пока гидролог и второй магнитолог аккуратнейшим образом вел почти школярские конспекты в Павловской обсерватории. Затем свои познания в специальных науках он пополнил и расширил в Христиании — подлинной Мекке полярных изыскателей.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Еще в Петербурге барон Толль рекомендовал мне повидаться с профессором Нансенем и воспользоваться его советами по снаряжению и работам по части гидрологии. Нансен был у нас на «Заре» короткое время, и я имел случай несколько раз повидаться с ним в его университетской лаборатории, где профессор с большой предупредительностью и любезностью сообщил и показал свою методу по определению удельных весов воды и изложенную в недавнем вышедшем труде...»

Нансена очень интересовала проблема «мертвой воды». «...Дело в том, — писал великий норвежец барону Толлю, — что за кораблем на тяжелом нижнем соленом слое воды, образуется особая волна опресненной воды, которая затрудняет движение судна». Такое явление характерно только для Северного Ледовитого океана, где холодная пресная вода, выносимая великими сибирскими реками, смешивается с теплыми и солеными струями Гольфстрима. Вот эту «мертвую воду» и предстояло изучать гидрологу экспедиции лейтенанту Колчаку. Как в старой сказке предстояло «добру молодцу идти за «мертвой водой».

Наконец все было готово к отплытию — сначала в Петербург, а потом на Север. Колчак весьма сдержан в своем дневнике. Но в каждой строчке бьется скрытое ликование, моряцкая гордость... Важна каждая деталь, любая мелочь, всякое обстоятельство этого воистину исторического плавания. Разделим же и мы эти тревоги и заботы 26-летнего лейтенанта.

РУКОЮ КОЛЧАКА: «Мы вышли из Ларвика в Скагеррак и вошли в Зунд в Копенгаген. В Скагерраке и Каттегате мы встретили свежий ветер, противный конечно, и по пути под парусами зашли исправить небольшое повреждение в машине. В Копенгагене мы простояли несколько часов, приняли сети и рыболовный снаряд и ушли сейчас же по окончании приемок в Мемель, где также должны были принять запас снаряжения, одежды, белья, а также ковры и другие мелочи, заказанные в Германии. В Мемеле же мы должны встретить барона Толля и прийти с ним в Петербург. На переходе в Мемель мы несли паруса и убедились в прекрасных парусных качествах «Зари». Несмотря на уменьшенную парусность, она отлично делала повороты, затруднение составляло крайне ограниченное число рабочих рук; впоследствии мы привыкли к этому, но вначале, имея семь человек на палубе, управляться было трудно. В Мемель мы пришли без всяких случайностей, простояв там два дня, и, приняв барона Толля, пошли в Петербург. Погоды стояли тихие и большей частью ясные. Мы пришли на Кронштадтский рейд и стали на якорь близ форта «Меншиков», после отдания обычных формальностей мы пошли каналом в Петербург и вечером стали на бочку у Николаевского моста. При нашей слабой машине, нехватке рабочих рук и отсутствии малых шлюпок нам стоило порядочной возни подать на бочку канат, один раз пришлось отдать якорь. Стоящая в нескольких саженях от нас большая паровая яхта... под

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога	5
Часть первая. МЫС СОФИИ	7
Часть вторая. ЛИНКОР «ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ»	133
Часть третья. ЗЕМЛЯ АННЫ	200